

Слово о Зощенко

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ:

М. Зощенко — из самых «Мертвых душ» от Коробочки и «Скверного анекдота»: «Старуха Врангель» — петербургские и уездные рассказы его — подковыр Гоголя и выковыр Достоевского.

Гоголь — современнейший писатель, Гоголь! — к нему обращена душа новой возникающей русской литературы по слову и по глазу... Берегите Зощенко. Это наш, современный Гоголь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН:

В нем есть что-то от Чехова и Гоголя. Будущее этого писателя весьма огромно...

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН:

Отлично пользуется Зощенко синтаксисом народного говора: расстановка слов, глагольные формы, выбор синонимов — во всем этом ни единой ошибки. Забавную новизну самым стертым, запечатанным словам он умеет придать ошибочным (как будто) выбором синонимов, намеренным плеоназмом («пожить в полное семейное удовольствие»; «на одном конце — пригорок, на другом — обратно — пригорок»; «в нижних подштанниках»). И все-таки долго стоять на этой станции Зощенко не стоит. Надо трогаться дальше, пусть даже по шпалам.

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ:

Зощенко — человек небольшого роста. У него матовое, сейчас желтоватое лицо. Украинские глаза. И осторожная поступь. У него очень тихий голос. Манера человека, который хочет очень вежливо кончить большой скандал...

Сделанность вещей Зощенка, присутствие второго плана, хорошая и изобретательная языковая конструкция сделали Зощенко популярным русским прозаиком. Он имеет хождение не как деньги, а как вещь. Как поезд.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ:

Зощенко, при некотором мелководе нашей сатирической работы, большой, квалифицированный и самый популярный писатель. Его нужно всячески продвигать в журналы...

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ:

...Призадумался Зощенко: взяло его сомнение, стоит ли «освещать», «клопам на смех», ту невероятную внутреннюю и материальную «бедность», в которой живут «уважаемые граждане» Советской России?

Это убожество не ново. Не нов и вопрос Зощенки. В разных формах ставился он в отношении прежней России, какой являлась она у Гоголя, Салтыкова, Островского, Чехова. Из самих сатириков им особенно мучился Гоголь.

С людьми столь выдающимися я не сравниваю Зощенку ни по силам дарования (впрочем — незаурядного и к тому же в условиях советской литературы деформированного), ни по его художественному значению. Но как бытоизобразителя Зощенку можно сопоставить с кем угодно: свою эпоху и свое окружение он показал с большой зоркостью. Если не качеством своего искусства, то, во всяком случае, полнотой и обилием собранного и закрепленного бытового материала Зощенко очень значителен. В этом смысле можно быть уверенным, что имя его не забудется, не вычеркнется...

МАКСИМ ГОРЬКИЙ:

Отличный язык выработали вы, М[ихаил]. М[ихайлович], и замечательно легко владеете им. Юмор у вас очень «свой». Я высоко ценю вашу работу, поверьте: это — не комплимент. Ценю и уверен, что вы напишете весьма крупные вещи. Данные сатирика у вас — налицо, чувство иронии очень острое, и лирика сопровождает его крайне оригинально. Такое соотношение иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого...

ДОН-АМИНАДО:

...Первое по праву место занял всеми завладевший сердцами и умами неизвестный советский гражданин, которого звали Зоценко.

О чудотворном таланте его, который воистину, как нечаянная радость, на улицах и в переулках, в домах и в застенках, на всей этой загнанной в тупичок всероссийской жилплощади, о чудодейственном таланте его еще будут написаны книги и монографии.

В литературный абзац его не вместишь, и стало быть, покуда будут эти книги написаны, одно только и остается: отвесить утешителю дней низкий земной поклон.

ЮРИЙ АННЕНКОВ:

Однажды, в одну из наших парижских бесед на литературные темы, я спросил у Бабеля, кого из современных советских писателей он считает наиболее интересным. Бабель вдруг расхохотался и произнес:

— Зоценку.

Затем, совершенно серьезно и даже — с оттенком раскаяния добавил:

— Я совсем не потому рассмеялся, что назвал имя Зоценки, а потому, что в моей памяти сразу всплыли некоторые вещицы Зоценки: это они вызвали мой смех...

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:

...Зоценко — невероятно читаемый автор. В этом случае он может сравниться только с Горьким, что является весьма показательным и может быть даже не в пользу Горького, который признан образцом классической литературы.

ЮРИЙ ОЛЕША:

Всех перекрыл Михаил Михайлович Зоценко. Этот человек, маленький, поджарый и прямой, — чрезвычайно осанистый, несмотря на шуплость, — стал рядом с кафедрой, положил листки, следовательно, сбоку и с выражением почти военного презрения на лице читал свой рассказ. Он читал железным голосом вещь, вызывающую ежесекундные раскаты хохота. Так читают лозунги, тезисы, воззвания.

Волновался мой дорогой Миша Зоценко, побледнел, даже позеленел как-то.

Слава! Его страшно любит публика. Когда председатель объявил его, выходявшие с полпути вернулись... Шумное движение произошло в зале, люди стали пересаживаться ближе.

Замечательный, поистине замечательный русский писатель — Зоценко!

КОНСТАНТИН ФЕДИН:

Его стараются «снизить», — измельчить, печатают в юмористических журнальчиках, чтобы он, кой грех, не поднялся до высоты большой, общественно важной индивидуальности. А он — явление из ряда вон выходящее, очень значительное, не только — не Лейкин, не Горбунов, не Аверченко, но нечто большее по масштабу, подымающееся до Гоголя... Его стараются представить зубоскалом (и то, что он пишет, действительно неудержимо смешно), мещанским «рупором», а он — безжалостный сатирик и — может быть — единственный в наши дни писатель с гражданским мужеством и человеческим

голосом, без фистулы подобострастия. Мне показалось, что он переживет всех нас, и, вероятно, я не ошибаюсь.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ:

Если бы я поехал в Эривань... Я бы читал по дороге самую лучшую книгу Зощенки, и я бы радовался, как татарин, укравший сто рублей...

Настоящий труд — это брюссельское кружево. В нем главное то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы...

У нас есть библия труда, но мы ее не ценим. Это рассказы Зощенки. Единственного человека, который показал нам трудящегося, мы втоптали в грязь. Я требую памятников для Зощенки по всем городам и местечкам или, по крайней мере, как для дедушки Крылова, в Летнем Саду.

Вот у кого прогулы дышат, вот у кого брюссельское кружево живет!

АННА АХМАТОВА:

Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи — я никогда ничего не знала о прозе. Первый мой опыт все очень хвалили, но я, конечно, не верила. Позвала Зощенко. Он велел кое-что убрать и сказал, что с остальным согласен. Я была рада.

ЕВГЕНИЙ ГАБРИЛОВИЧ:

...И вот так и плыли мы, совесть и гордость русской земли, по вновь открытому Беломорканалу от одного лагпункта к другому, и всюду на пристанях нас встречали оркестры из эзков и самые эзки в новеньких робах, вымытые и побритые...

В общем, все было именно так, как положено, как желалось тем, кто кормил нас ночью в поезде бутербродами, равно как и тем, кто придумал весь этот «Художественный театр». И только одно обстоятельство выпирало из ритуала: на каждой из пристаней эзки, скандируя, требовали, чтобы на палубе появился Зощенко. Именно Зощенко, только он и никто другой из писателей, хотя тут, на судне, было навалом таких, кто руководил журналами и умами и был прославлен своим умением угадать вкус Правительства в рассуждении народности, письменности и директив. Но именно их имена были мало известны неотесанным эзкам, и эзки ревели со всех пристаней:

— Зощенко, выползай!

Но Зощенко не появлялся: он, правда, был юмористом. Однако по нраву не слишком приветливым и лежал в каюте, одетый в черный костюм, при галстукке, с черным пробором в вороних волосах, как если бы собрался на встречу с любимой дамой.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ:

Это был один из самых красивых людей, каких я когда-либо видел...

...О нем рассказывают анекдоты и посмеиваются над ним, а я считаю его самым замечательным писателем современности...

Он постоянно менялся, никогда не застывал на достигнутом, каждая новая книга знаменовала собой новый этап его психического и эмоционального развития. В каждой своей книге он — новый, совершенно непохожий на того, каким мы знали его по предшествующим сочинениям. В двадцатые годы он — один, в середине тридцатых — другой, в сороковых годах — опять-таки непохожий на двух предыдущих...

Повесть вышла... в 1943 году. Вместо прежнего названия («Ключи счастья») он дал ей новое: «Перед восходом солнца»... Научно-философская часть его книги не идет ни в какое сравнение с тою, которую он писал как художник... Но, конечно, нельзя не отнестись с уважением к этим проповедническим, учительским главам, так как они внушены благородным желанием избавить людей от страданий. Проповедник в его книге взял верх над художником — знакомая судьба типичных русских талантов, начиная

с Гоголя и Толстого, отказавшихся от очарований искусства во имя непосредственного служения людям. Из зощенковской книги мы ясно увидели, что он — по всему своему душевному складу — принадлежит именно к этой породе писателей.

И. В. СТАЛИН:

Писатели думают, что они политикой не занимаются... Написал человек красиво, и все. А там есть плохие, вредные места, мысли, которые отравляют сознание молодежи... Почему я недолголюбиваю людей вроде Зощенко? Потому что они пишут что-то похожее на рвотный порошок. Можем ли мы терпеть на посту руководителей людей, которые это пропускают в печать?.. У нас журнал не частное предприятие... Он не имеет права приспособливаться к вкусам людей, которые не хотят признавать наш строй. Кто не хочет перестраиваться, например, Зощенко, пускай убирается ко всем чертям. Не нам же переделывать свои вкусы, не нам приспособливать свои мысли и чувства к Зощенко и Ахматовой. Разве Анна Ахматова может воспитывать? Разве этот дурак, балаганный рассказчик, писака Зощенко может воспитывать?..

А. А. ЖДАНОВ:

Я думаю, что мне нет нужды цитировать здесь «произведение» Зощенко «Приключения обезьяны»... Смысл этого «произведения» Зощенко заключается в том, что он изображает советских людей бездельниками и уродами, людьми глупыми и примитивными. Зощенко совершенно не интересуется труд советских людей, их усилия и героизм, их высокие общественные и моральные качества. Эта тема всегда у него отсутствует... За два с половиной десятилетия он не только ничему не научился и не только никак не изменился, а, наоборот, с циничной откровенностью продолжает оставаться проповедником безыдейности и пошлости, беспринципным и бессовестным литературным хулиганом. Это означает, что Зощенко как тогда, так и теперь не нравятся советские порядки. Как тогда, так и теперь он чужд и враждебен советской литературе.

НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ:

Всем мучительно захотелось покоя, и в результате всех поразила слепота, неизлечимая и всегда сопровождающаяся нравственным склерозом. Расплатились за потребность в самоуспокоении все, больше всех не жулики, а честные и глубокие люди, как Зощенко. Он до конца жизни верил в возможность «дать совет» и, остро чувствуя ужас происходящего, когда единственный выход — завывать зверем, все пробовал остановить, предупредить, напомнить...

Зощенко, моралист по природе, своими рассказами пытался образумить современников, помочь им стать людьми, а читатели принимали все за юмористику и ржали как лошади. Зощенко сохранял иллюзии, начисто был лишен цинизма, все время размышлял, чуть наклонив голову набок, и жестоко за это расплатился. Глазом художника он иногда проникал в суть вещей, но осмыслить их не мог, потому что свято верил в прогресс и все его красивые следствия...

Чистый и прекрасный человек, он искал связи с эпохой, верил ширококвещательным программам, сулившим всеобщее счастье, считал, что когда-нибудь все войдет в норму, так как проявление жестокости и дикости лишь случайность, рябь на воде, а не сущность, как его учили на политзанятиях. Многие не увидели перехода от народной революции, жестокой и дикой, к плановой работе машины. Склонные оправдывать первую фазу, перенесли свое отношение и на вторую. Таков был и Зощенко, один из прапорщиков революции (по чинам он оказался в 1917 году повыше, но психологически он принадлежал именно к этой категории).

ВЕНИАМИН КАВЕРИН:

В сущности судьба Зоценко почти не отличается от бесчисленных судеб жертв сталинского террора. Но есть и отличие, характерное, может быть, для жизни всего общества в целом: лагеря были строго засекречены, а Зоценко надолго, на годы, для примера был привязан на площади к позорному столбу и публично оплеван. Потом, после смерти Сталина, вступило в силу одно из самых непреодолимых явлений, мешающих развитию естественной жизни страны, — инерция, боязнь перемен, жажда самоповторения.

К положению Зоценко привыкли. Дело его унижения, уничтожения продолжалось по-прежнему совершенно открыто — в нем уже участвовали тысячи людей, новое поколение...

Бедный Миша! Ахматова называла его Мишенькой. Бедный Мишенька, никогда никого не обидевший, всем желавший добра, вспомнивший, что он в детстве обидел сестру, и поехавший к ней через тридцать лет, чтобы хоть чем-нибудь, хоть мусором денег загладить вину.

Ахматова думала, что он погиб потому, что, когда в Ленинград приехали английские студенты и было приказано показать им раскаявшихся, смирившихся писателей, она сказала, что совершенно согласна с постановлением ЦК, а Зоценко ответил, что «согласен не полностью и, написав письмо Сталину, не получил ответа». Права ли Анна Андреевна? Нет. Он погиб, потому что не мог ответить иначе.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ:

...Я попробовал вступиться за М.М. Зоценко, которого продолжали обвинять в мнимых преступлениях.

Хрущев нахмурился и сказал, что «Зоценко плохо себя ведет»: в Ленинграде нажаловался английским студентам. Тогда я рассказал, что произошло в действительности... Один из студентов спросил его — согласен ли он с оценкой, которую ему дал Жданов. Зоценко ответил, что Жданов назвал его «подонком» и что он не мог бы прожить и одного дня, если бы считал это правильным. Так была создана скверная версия — «Зоценко нажаловался англичанам».

Н.С. Хрущев не дипломат, и, глядя на него, я сразу понял, что он мне не верит, да он и сказал: «У меня другая информация...» Я ушел с горьким привкусом: намерения у него хорошие, но все зависит от «информации» — кого он слушает и кому он верит.

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ:

Зоценко и Булгаков открыли этот тип в двадцатые годы. Теперь коммунальный хам завершил свое развитие, обрел мечту своих кошмарных ночей — генеральские звезды, вооружился линзами здравого смысла, причислил себя к сонму телевизионных светил.

На предыдущей стадии своего развития он назывался Ждановым. Пройдя сквозь кровавую парилочку тридцатых, зоценковский банщик и булгаковский шарик стали Ждановым. Колумбы, открыватели типа были объявлены уродами. Солидный, устойчивый нормальный Жданов ненавидел своего открывателя, урода, отрыжку общества, мусорную шкварку перегоревшего серебряного века.

Вот, в сущности, главный конфликт времени, идеально короткая схема: «Зоценко — Жданов».